

Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
 А блѣдный, пасмурный, сидитъ,
 Безъ возліаній, безъ друзей,
 Въ рукахъ едва-ль полу-людей?
 Не онъ-ли свѣжесть раннихъ силъ
 Тебѣ на жертву приносилъ
 Во дни безпечной старины?
 Не онъ-ли розами весны
 Твой благодѣтельный бокаль
 Рукой покорной украшалъ?
 Свершилось!.. нѣтъ его... ударъ
 Поблекшимъ тирсомъ въ свой алтарь!
 Пролей слезу изъ темныхъ глазъ!..
 Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
 Угасъ, какъ факель буйныхъ дѣвъ,
 Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
 «Эванъ, Эвое, славный Вахъ!»
 Какъ разумъ скучный на пирахъ!..

.

А ты, примѣрный человѣкъ,
 Души высокой образецъ,
 Мой благодѣтель и отецъ,
 О, Струйскій, можешь-ли когда,
 Добычу гнѣва и стыда,
 Пѣвца преступнаго простить?..
 Неблагодарный изъ людей,
 Какъ погибающій злодѣй
 Передъ сѣкирой роковой,
 Теперь стою передъ тобой:
 Мятельный вѣкъ свой погубя,
 Въ слезахъ раскаянья тебя
 Я умоляю.

. Еще моимъ отцомъ
 Хочу назвать тебя... зову...
 И на покорную главу
 За преступленія мои
 Прошу прощенія любви...
 Прости меня—моя вина
 Ужасной местию отмщена!
 Завѣса вѣчности нѣмой
 Упала съ шумомъ предо мной...
 Я вижу...